

Въ кругу Платоновыхъ людей,
 Онъ смрадной жизни воздухъ пьетъ
 И долю горькую клянетъ...
 Онъ не живетъ уже умомъ:
 Душа и умъ убиты въ немъ;
 Но, какъ бродячій автоматъ
 Или безчувственный солдатъ,
 Штыкомъ рожденный для штыка,
 Онъ дышетъ жизнью дурака:
 Два раза на день ѣсть и пьетъ
 И долгъ природѣ отдаетъ...

.
 Воспоминанья старины,
 Какъ обольстительные сны,
 Его тревожатъ иногда;
 Въ забвеньѣ горестномъ тогда
 Онъ воскресаетъ бытіемъ:
 Безумнымъ радостнымъ огнемъ
 Тогда глаза его горятъ,
 И слезы крупныя блестятъ,
 И, очарованный мечтой,
 Надежду жизни молодой
 Несчастный видитъ, ловить вновь—
 Опять поетъ, опять любовь
 Къ свободѣ, къ міру въ немъ кипитъ!
 Онъ къ ней стремится, къ ней летитъ,
 Онъ полонъ милыхъ сердцу думъ...
 Но вдругъ цѣпей желѣзныхъ шумъ
 Иль хохотъ глупыхъ бѣглецовъ,
 Тюрьмы безсмысленныхъ жильцовъ,
 Раздался въ сводахъ роковыхъ,—
 И рой видѣній золотыхъ,
 Какъ легкій утренній туманъ,
 Унесъ души его обманъ...
 Такъ жнецъ на пажити родной,
 Стрѣлой сраженный громовой,
 Внезапно падаетъ во прахъ—
 И замеръ серпъ въ его рукахъ...
 Надежду, радость—все взяла
 Молніеносная стрѣла!..

.
 Оставленъ всѣми, одинокъ,
 Какъ въ море брошенный челнокъ